но остается все-таки вопросъ о томъ, что то раздѣленіе труда, которое я теперъ вижу въ моемъ человѣческомъ обществѣ, есть ли оно то самое раздѣленіе труда, которое должно быть?

„И если люди считаютъ извѣстное раздѣленіе труда неразумнымъ и несправедливымъ, то никакая наука не можетъ доказать людямъ, что должно быть то что̀, они считаютъ неразумнымъ и несправедливымъ. Раздѣленіе труда есть условіе жизни организмовъ и человѣческихъ общесгвъ; но что̀ въ этихъ человѣческихъ обществахъ считать органическимъ раздѣленіемъ труда?“

Что̀ же разумѣетъ графъ Толстой подъ правильнымъ раздѣленіемъ труда?

„Живутъ люди, кормятся земледѣліемъ, какъ свойственно всѣмъ людямъ: одинъ человѣкъ устроилъ кузнечное горно и починилъ свой плугъ; приходитъ къ нему сосѣдъ и проситъ тоже починить и обѣщаетъ ему за это работу или деньги. Приходитъ третій, четвертый, и въ обществѣ этихъ людей происходитъ слѣдующее раздѣленіе труда—дѣлается кузнецъ. Другой человѣкъ хорошо выучилъ своихъ дѣтей, къ нему приводитъ дѣтей сосѣдъ и проситъ учить ихъ, и дѣлается учитель; но и кузнецъ и учитель сдѣлались и продолжаютъ быть такими только потому, что ихъ просили и остаются таковыми до тѣхъ поръ, пока ихъ просятъ быть кузнецомъ и учителемъ“.